8 РФ
Я22

2410

Ю. А. Яворскій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ЛЬВОВЪ, 1901.
Изданіе „Галицко-русской Матицы“.
„Удѣловая типографія“ во Львовѣ, ул. Линде, Нр. 8.

1/4-1

8 УФ
Я 22

Многоуважаемому
А. М. Лукьяненку
от автора.

Ю. А. Яворскій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I. ЛЕГЕНДА О ПАНЩИНѢ.

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР

ЛЬВОВЪ, 1901.
Изданіе „Галицко-русской Матицы“.

„Удѣловая типографія“ во Львовѣ, ул. Линде, Нр. 8.

Р. В 18154/1 и
В 15710/1 и — 26

Оттискъ изъ Научно-литературнаго Сборника
Галицко-русской Матицы, т. I, в. 1, (1901).

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР
Інв.

8 3/5

Очерки по исторіи русской народной словесности.

I. Легенда о панщинѣ.

Подлинныя, хорошія явленія народной словесности въ сущности не врутъ никогда. Не врутъ, не порождаютъ и не служатъ лжи, не смущаютъ и не растлѣваютъ воображенія и души. Не смотря на всю свою кажущуюся фантастичность, на всю пестротканную узорчатость своего чудеснаго вымысла. Они — возвышеннѣйшая поэзія, живая и здоровая, какъ благоуханія породившихъ ихъ полей и лѣсовъ. Въ нихъ, словно въ причудливой экзотической раковинѣ, всегда тайно свѣтитъ какая-либо драгоцѣнная жемчужина, какая-нибудь возвышенная и вѣчная истина.

Но все таки, не смотря на эту внутреннюю правдивость народной словесности, историческихъ фактовъ и справокъ въ ней искать не слѣдуетъ и не можно. За исключеніемъ, конечно, завѣдомо историческихъ преданій, воспоминаній и пѣсенъ, посвященныхъ недавнимъ или современнымъ событіямъ, лицамъ и мѣстностямъ, порожденныхъ самой исторіей и составляющихъ интересное, неписанное дополненіе ея, — всѣ эти случайныя историческія крохи въ народной словесности обыкновенно такъ густо и произвольно перемѣшаны и перепутаны съ бродячими эпическими или сказочными мотивами, что теряются и пропа-

даютъ между ними совсѣмъ, подобно немногимъ живымъ свѣтлякамъ въ хороводѣ фосфорическихъ, блудныхъ искорокъ. Если-же принять во вниманіе, что сказочные и легендарные сюжеты въ громадномъ большинствѣ случаевъ безначальны и безнародны, что даже „народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости международный“, [1]) то станетъ ясно, что къ всякимъ подобнымъ историческимъ находкамъ слѣдуетъ относиться крайне осторожно и скептически, какъ бы ни заманчивы онѣ были съ виду, какъ бы ни ловко были пристегнуты къ нимъ извѣстныя имена и данныя.

Одинъ такой историческій мотивъ, соединившійся чрезвычайно удачно и стройно съ широко распространенною международной легендой, мы попытаемся здѣсь разобрать и изслѣдовать, насколько это при ограниченности располагаемаго нами сравнительнаго матеріала возможно, внимательно и подробно, какъ яркій и характерный примѣръ неустойчивыхъ и зыбкихъ взаимоотношеній народной словесности и исторіи.

I.

Приведемъ прежде всего галицко-русскій текстъ интересующей насъ легенды, который, какъ самый полный и типичный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ ея варіантовъ, мы примемъ за исходную точку нашего изслѣдованія.

„Даў хлопъ сына вчы́ты до шко́лы. И всэ тамъ возы́ў ри́жного, хли́ба, муки́, гро́ши, и всэ каза́ў: вчитъ го, та нэ бы́йтэ! И такъ пятна́йцятъ литъ вчы́ўся той сынъ въ ми́стьи. И тамъ ёго ньицъ нэ былы, и винъ ничо́го нэ ўміў. Якъ вже тоти́ лита́ вы́йшлы, що вже тамъ всьи покиньчы́лы свойи́ шко́лы, тогды́ и ёго вже выганя́ютъ, а винъ ничо́го нэ ўміе, ньицъ-а́ни-ра́зъ. Тогды́ прыйшо́ў винъ до та́та. Буў дома ми́сяць а́бо й два, робы́ты дома ньицъ нэ ро́бытъ, бо нэ ўміе ньицъ, зма́лэньку нэ буў пры ɣоспода́рстви. До слу́жбы жа́днойи тако́жъ нэ може йты, бо ньицъ пысьма́ нэ знае, то забра́ўся, пишоў гайдама́шыты.

„Пишо́ў-сы въ лисъ и тамъ, якъ лю́дэ йшлы зъ торгу́ або-шо́, то рабува́ў и здыра́ў зъ ныхъ всё. И такъ ходы́ў-ходы́ў лиса́мы ки́лька литъ, тай зноў разъ вы́йшоў пидъ то сэло́, дэ ёго тато буў. А тато тогды́ акура́тъ буў въ ли́сьи, пойіхаў соби́ за дрова́мы. И тамъ ся обыдва́ зды́балы въ ли́-

[1]) А. Н. Веселовскій: Южно-русскія былины. Спб. 1884, XI, 401.

сьи. Сынъ тата пизна́ў, а той вже ёго нье. Тай сынъ взяў крыча́ты на старо́го, якъ-бы яки́й лисны́чый: що́ ту хо́дышъ по ли́сьи, чого́? — А стары́й взяўся просы́ты: па́ноньку, я за патычомъ шука́ю, я ньицъ! Про́сыться. Алэ той ганьбы́ть-ганьбы́ть, а пото́му каже: я тэбэ за́бью! А да́ли вже каже: а ты зна́ешъ, що я твій сынъ, а ты мій тато? — Ну, каже стары́й, то я твій тато, а ты мэнэ за́бьешъ? — Каже винъ тогды́ до старо́го: абы́-сь знаў, що тя за́бью! за то́е тя за́бью, що ты всэ каза́ў въ шко́ли, абы́ мэнэ нэ былы! — Оттогды́ той стары́й каже такъ: та ходы́ до до́му, йе тры гру́нты, бу́дэшъ госпо́да́рыў, на́що тоби́ по ли́сьи ла́зыты? — Алэ той каже: а якъ-же я тэпэрь буду госпо́да́рыў, колы́ нэ учы́ўся? вже за-пи́зно! — Тай взяў тогды́ старо́го, прыви́ў до гра́ба, тако́го що ще тонкы́й бу́ў, миркува́ў-сы, абы стары́й мигъ го прыгну́ты до зэмли́. Тай той старый то́го грабка́ прыгну́ў до само́йи зэмли́. Прыви́ў го тогды сынъ до гру́бого гра́ба, а́лэ стары́й му́чыться-му́чыть, нэ може вже прыгну́ты. Тогды сынъ каже до нэго такъ: отъ дывы́ся, то́нкого-сь прыгну́ў, а гру́бого ньи; а ты мэнэ зама́лку ньицъ нэ ўчыў и ше дру́гымъ нэ дава́ў учы́ты, а тэпэрь хочешъ, абы я ся браў до госпо́да́рства! — Тай тогды взяў, па́лыцэў тара́хнуў, тай за́быў тата. Загреба́ў тата пидъ лы́стье, тай по тымъ ще такъ пять литъ ходы́ў по лиса́хъ, гайдама́шыў. Тай ще наконэцъ йи́хаў черезъ той лисъ ксёндзъ, тай винъ тамъ ще то́го ксёндза за́быў.

„А вже по́тимъ му ся змэрзыло и вже перестаў гайдама́шыты. Тай тогды пишо́ў такъ до двора́ тай стаў въ дворы́ служы́ты. И разъ го панъ писла́ў съ ко́шомъ до ми́ста по мя́со. Винъ прыныси́сь, поста́выў у ку́хны тай вы́йшоў. Бэрэ ку́харъ мясо, хоче варыты, а ту мяса нэма́, ино ксёндзова голова́ ся зробы́ла зъ то́го мяса. Иду́ть за нымъ, що́ таке́ ста́лося? Винъ каже: та-же-мъ мясо фа́йнэ прыныси́сь, якъ ма́е буты. — А то ёму такъ Па́нъ-Бигъ перемины́ў на ксёндзову голову, грихы́ му ёго прыгада́ў. Взя́лы ёго тамъ прытыска́ты, тай винъ ся прызна́ў, вже не мигъ ся видпыра́ты. Розпови́ў всё: ти́лько, каже, уби́ў-емъ лю́да, й тата, а вже на сами́мъ киньцы́ того ксёндза, тай вже-мъ тогды перестаў гайдама́шыты! — Посклыка́ў тогды панъ ра́ду, ксёндзи́ў, па́нство: що́-бы съ нымъ тэпэрь робы́ты, яку́-бы му ка́ру да́ты? Взя́лы суды́ты, такъ му всуды́лы таку́ ка́ру: таки́ то́рбы му каза́лы вшы́ты шкиря́ни и ти́лько въ ных ъ кампня накла́сты, абы йно мигъ тя́гатыся съ тымъ по сьви́тьи; и прывяза́ли му тьи то́рбы на плэчи мотуза́мы зъ ба́йволиў и ка́жуть такъ: носы́-жъ ты тьи то́рбы такъ до́ўго, по́ки оны сами́ нэ облэтять; якъ вже облэтять сами́, тогды вже ма́ешъ розгриши́нье за твои грихы́!

„И винъ такъ ходы́ў съ ты́мы торба́мы по сьви́тьи вже пять литъ. Тай тогды до едно́го сэла́ тра́фыў и въ тымъ сэ-

лы́й була́ сла́бисть. И тамъ ти́лько людэй поўмыра́ло, що и па́нщыны па́новы нэ видбу́лы. И панъ зо зло́сты черезъ то набы́ў гумэнного, а той пишо́ў до ко́рчмы тай ся напы́ў гори́вки и пото́му пишо́ў на цмы́нтарь и бье па́лыцэ́ў по гроба́хъ, го́нытъ мэ́рлы́хъ на па́нщыну. А той надійшо́ў съ торба́мы тай ся ды́вытъ на тото́. Тай гада́е-сы: а то що? вже-мъ ти́лько сьви́та зийшо́ў, а ще-мъ нэ вы́дыў, абы хто мэ́рлы́хъ на па́нщыну гоны́ў! до́сыть, каже, вже ма́ю грихи́ў на душы́, а́лэ вже то́го нэ вытрымаю, ще й то́го за́бью! — Идэ про́сто на цмы́нтарь, тара́хъ, и то́го за́быў. Якъ ёго́ за́быў, тогды зъ нэго вже то́рбы пооблита́лы, а зъ нэго само́го зробы́ўся ино по́рохъ, ньицъ нэ бу́ло ньи костэй ньи тыла, всё ся въ зэмлю розсы́пало. Такъ му Па́нъ-Бигъ даў розгрише́нье ще на тымъ сьви́тьи“ [1]).

Этотъ превосходный галицко-русскій варіантъ сохранилъ, какъ мы это уже отмѣтили выше, съ наибольшею полностью и яркостью всѣ составные мотивы и черты этой сложной легенды. Другіе южно-и западно-русскіе варіанты далеко не такъ полны, но, болѣе или менѣе, фрагментарны и блѣдны.

Волынскій варіантъ, записанный въ звягельскомъ уѣздѣ г-жей Рокоссовской, разсказываетъ тоже о дурномъ воспитаніи мальчика, сдѣлавшагося впослѣдствіи постепенно воромъ и разбойникомъ. Онъ убиваетъ за это отца и мать, послѣ грабитъ и убиваетъ людей еще много лѣтъ, но, наконецъ, совѣсть въ немъ проснулась, такъ что кающійся грѣшникъ пошелъ къ священнику, исповѣдать и отмаливать свои великіе грѣхи. Священникъ задалъ ему тяжкую эпитимію: выносить на плечахъ 100 сяжней дровъ и сжечь ихъ до послѣдняго уголька. Два года носилъ грѣшникъ дрова, потомъ сжегъ ихъ, только двѣ головни остались и не хотѣли горѣть: огонь ихъ не трогалъ. Это были грѣхи убійства отца и матери, которые ему еще не прощались. Тогда священникъ велѣлъ ему посадить сухую вѣтку въ землю, въ отдаленіи трехъ верстъ отъ воды, носить воду во рту и поливать вѣтку такъ долго, пока она не распустится и не расцвѣтетъ. Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ вѣтка распустилась и выросла въ большую яблоню съ многими плодами. По совѣту того-же священника, грѣшникъ сталъ трясть

---

[1]) Записано мною въ декабрѣ 1896 г. въ с. Борусовѣ, бобрецкаго у.; въ приготовляющихся къ печати моихъ „Памятникахъ галицко-русской народной словесности“, т. I. н-ръ 14.

яблоню; всѣ яблока упали, только два остались на деревѣ — все тѣ-же непрощенныя убійства отца и матери. Тогда священникъ велѣлъ заковать ему на плечи двѣ желѣзныя сумы, наполнить ихъ камнями и носить такъ долго, пока онѣ не спадутъ съ него сами. Долго ходилъ такъ несчастный грѣшникъ по свѣтѣ, но сумы держались крѣпко, будто новыя. Однажды, однако, онъ встрѣтился съ чертомъ, который сталъ допрашивать его, куда онъ идетъ и зачѣмъ носитъ такое бремя? Онъ не хотѣлъ сказать и, наконецъ, ударилъ черта камнемъ и убилъ его. Въ то-же мгновеніе желѣзныя сумы спали съ него и разсыпались въ прахъ. По другой версіи, грѣшникъ убилъ не черта, только жестокаго пана [1]).

Въ общемъ, кромѣ двухъ вставныхъ мотивовъ эпитиміи, привлеченныхъ къ разсказу, какъ увидимъ дальше, изъ другихъ сродныхъ легендъ, волынскій варіантъ, какъ по своей конструкціи, такъ и по отдѣльнымъ составнымъ частямъ, примыкаетъ весьма близко къ нашему, галицкому варіанту. Что касается конца легенды, который какъ будто некстати подставляетъ подъ ея остріе ни въ чемъ неповиннаго черта и такимъ образомъ существенно извращаетъ основную мысль ея, то мы пока не будемъ изслѣдовать его ближе, только удовлетворимся тѣмъ, что въ другой записи, подобно какъ у насъ, грѣшникъ убиваетъ пана, олицетворяющаго въ себѣ, очевидно, обиды и жестокости крѣпостного права.

Въ украинскомъ разсказѣ, записанномъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, не говорится ничего о воспитаніи разбойника и объ убійствѣ родителей. Разбойникъ 12 лѣтъ гулялъ по лѣсамъ и большимъ дорогамъ, потомъ раскаялся и принялъ извѣстное намъ уже покаяніе: носилъ въ сумѣ на плечахъ 20 тяжелыхъ камней. Такъ ходилъ онъ съ своей ношей весьма долго, пока не убилъ пьянаго „сипаку“, который на кладбищѣ билъ палкою по могиламъ и звалъ мертвыхъ „на панщину“. Тогда сума съ камнями спала съ него сама; грѣхи ему были прощены совсѣмъ и перешли на бо́льшаго грѣшника, на убитаго имъ „сипаку“.[2])

---

[1]) Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Краковъ, 1897, т. II, отд. 2, стр. 98—99.

[2]) Кіевская Старина, 1884, т. X, стр. 175.

Въ другомъ украинскомъ варіантѣ, изъ маріупольскаго уѣзда, раскаявшійся разбойникъ искалъ 12 лѣтъ такого священника, который бы указалъ ему способъ искупленія его грѣховъ. Двѣнадцать священниковъ отказали ему въ этомъ, и онъ убилъ ихъ. Наконецъ нашелъ священника, который велѣлъ ему порубить и зажечь яблоню и на этомъ огнѣ сжечь руки до локтей и ноги по колѣни. Потомъ велѣлъ ему носить въ мѣдяной посудинѣ воду и 12 лѣтъ поливать сожженную яблоню, пока она не отрастетъ. Разбойникъ 12 лѣтъ носилъ на четверенькахъ въ зубахъ посуду съ водой и поливалъ яблоню, послѣ чего ему отросли руки и ноги, а также дерево выросло и покрылось множествомъ плодовъ. Разбойникъ потрясъ дерево и всѣ плоды спали, только остались два — „то батькови та материни грихи“. Тогда священникъ взялъ грѣшника къ себѣ — пасти овцы. Однажды онъ увидѣлъ, какъ какой-то человѣкъ тыкалъ палкою въ могилы на кладбищѣ и гналъ ихъ мертвыхъ обитателей на работу. Разбойникъ не стерпѣлъ и убилъ ёго. Священникъ послѣ этого сказалъ ему, что за послѣднее убійство прощаются ему всѣ прежніе грѣхи, „бо вбывъ того чоловика, шо его й земля не прийма... шо грішнішого видъ ёго мабуть и въ свити вже не було“. И отпустилъ его съ миромъ.[1])

Въ этой записи нѣкоторыя мѣста сильно скомканы и неясны. Такъ на пр. говорится о какихъ-то „батьковыхъ та материныхъ грихахъ“, что, очевидно, должно означать убійство разбойникомъ его родителей. Не объяснено также, почему священникъ велѣлъ грѣшнику пасти овцы и въ чемъ онъ увидѣлъ доказательство отпущенія грѣховъ его? Это объясняютъ намъ только дальнѣйшіе варіанты легенды.

И такъ, харьковскій варіантъ знаетъ также двѣ степени покаянія навернувшагося разбойника. Первый разъ онъ поливалъ головню, пока не выросла въ яблоню. Когда, однако, два яблока — убійство отца и матери — все на ней оставались, священникъ велѣлъ ему пасти черную овцу, пока она не сдѣлается совсѣмъ бѣлой. Разбойникъ пасъ овцу много лѣтъ, но она все оставалась черной. Только когда убилъ атамана, кото-

---

[1]) М. П. Драгомановъ: Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ, 1876, стр. 131 — 132.

рый надругался надъ могилами и звалъ мертвыхъ крѣпаковъ на панщину, овца вдругъ побѣлѣла и оба послѣднія яблока спали съ дерева на землю.[1])

Вотъ и всѣ, извѣстные намъ, малорусскіе варіанты легенды. Всѣ они сводятся къ одному основному типу:

Великій разбойникъ, убившій множество людей и даже своихъ собственныхъ родителей, раскаивается и получаетъ отъ духовника тяжкую, неисполнимую эпитимію. Онъ долго-долго трудится и мучится надъ ея исполненіемъ, но все напрасно и безуспѣшно. Наконецъ, онъ видитъ однажды панскаго атамана, который бьетъ палкой по могиламъ на кладбищѣ и зоветъ мертвыхъ на панщину; не стерпѣвъ этого страшнаго надругательства, онъ убиваетъ наповалъ дерзкаго выразителя крѣпостной власти. Тогда его невозможная эпитимія разрѣшается вдругъ сама собою, въ знакъ того, что всѣ его грѣхи, и даже убійство отца и матери, уравновѣшены и искуплены его послѣднимъ подвигомъ праведной народной мести.

На этотъ основной остовъ малорусской легенды нанизались попутно въ отдѣльныхъ ея варіантахъ разные второстепенные мотивы, которые въ другихъ не повторяются вовсе и имѣютъ, повидимому, совсѣмъ случайный характеръ.

II.

Переходя къ бѣлорусскимъ редакціямъ легенды, мы замѣчаемъ, что здѣсь она постепенно все болѣе теряетъ свое историческое значеніе протеста противъ панщины, выразившагося такъ рѣзко и ярко въ варіантахъ малорусскихъ.

Такое значеніе сохранилъ собственно только одинъ варіантъ, записанный въ борисовскомъ уѣздѣ минской губерніи. Былъ страшный грѣшникъ, воръ, разбойникъ и колдунъ, который въ наказаніе за грѣхи не могъ умереть — земля его не принимала. Онъ ходилъ къ разнымъ священникамъ, каялся и молился, но никто не могъ указать ему средства искупленія грѣховъ. Наконецъ, одинъ святой пустынникъ сказалъ ему, что онъ только тогда искупитъ свои грѣхи и умретъ,

---

[1]) П. И.: Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ. Этнографическое Обозрѣніе, XVII. 78 — 79.

если совершитъ такое доброе дѣло, которое-бы перевѣсило всѣ его грѣхи. Долго и разными способами „заслуживалъ онъ спасенія“: мучилъ и истязалъ себя; ходилъ на колѣняхъ на богомолья; нанимался къ сердитымъ хозяевамъ на работу; ложился за другихъ подъ розги; служилъ больнымъ и убогимъ; — все напрасно, смерть не являлась. „И такъ пройшло много лѣтъ. Разъ идзець ёнъ полемъ... А быў першій дзень Вяликодня. Идзець ёнъ и бачиць много, много народу на полѣ — пашуць, боронуюць. ‚Штожъ бы гэто значило? думае ёнъ, першій дзень Вяликодня, такое свято, што и птушки святкуюць, гнѣзды не ўюць, а тутъ народъ хрищеный марудзитца‘. Подходзиць ближей — бачиць: войтъ похаджывае мижду работниками, кричиць и бизуномъ ихъ подгоняе. Тые плачуць, жалуютца: ‚што гэто ты зусмыхаешься надъ нами? хиба нима у цябе Бога у серцы? бьешъ насъ, катываешъ у будни, у свято не даешъ отпочынку! и навотъ сягоньня, на Вяликдзень вышоў на пригонъ!‘ А войтъ равець якъ опонтаный, бизуномъ луциць.“ Возмутился нашъ грѣшникъ, схватилъ камень и убилъ жестокаго войта. И сейчасъ-же „на тымъ мѣсьци пирохней разсыпаўся; кончіў покуту и пошла яго душа на той свѣтъ“.[1])

Въ этомъ разсказѣ замѣчательно прежде всего то, что въ немъ нѣтъ никакой опредѣленной эпитиміи, которая выражена только въ общихъ, туманныхъ чертахъ; сообразно съ этимъ грѣшникъ испытываетъ разныя средства спасенія и старается искупить свои грѣхи разными самоистязаніями и добрыми дѣлами. Интересной перемѣнѣ подвергнулся здѣсь также конецъ легенды, но тѣмъ не менѣе, извѣстный жгучій протестъ крѣпостныхъ рабовъ сохранился въ немъ въ полной силѣ.

Переходнымъ звеномъ отъ вышеизложенныхъ варіантовъ съ политико-исторической закраской до безразличныхъ, не относящихся до панщины редакцій легенды, можно считать бѣлорусскій разсказъ объ Юдѣ-разбойникѣ, записанный Е. Р. Романовымъ въ быховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи. Юда-разбойникъ раскаялся и пошелъ къ священнику отмаливать

---

[1]) П. В. Шейнъ: Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Спб. 1893, II, 371 — 373.

свои грѣхи. Тотъ велѣлъ ему вбить себѣ въ руку большой ножъ и отломить его такъ при самой ручкѣ, а затѣмъ повелъ его въ лѣсъ, велѣлъ срубить отломленнымъ кончикомъ ножа самый большой дубъ и сжечь его. Это покаяніе было, повидимому, удовлетворительно, такъ какъ оставшіяся изъ дуба головешки пустили черезъ ночь ростки. Но священникъ велѣлъ еще грѣшнику отмолить убійство отца и матери, а именно, отыскать ту булаву, которою онъ убилъ ихъ, посадить ее въ землю въ семи верстахъ отъ рѣчки, носить воду во рту, ползая на колѣняхъ, и такъ долго поливать булаву, пока она не отрастетъ. Много лѣтъ мучился такимъ образомъ Юда-разбойникъ, но все напрасно: булава гнила и черви расточили ее совсѣмъ. Однажды проходилъ туда, однако, пьяный войтъ и разсуждалъ самъ съ собою о томъ, что онъ уже многихъ людей сжилъ со свѣта и сживетъ еще всѣхъ тѣхъ, кто ему „горѣлки ня купивъ". Юда это слышалъ и, возмутившись, убилъ войта. Послѣ этого онъ заснулъ на три года, такъ что даже поросъ мохомъ. По трехъ лѣтахъ проснулся и увидѣлъ передъ собою большую яблоню, выросшую изъ его булавы. Священникъ велѣлъ ему стрясть съ дерева яблока; всѣ спали на землю, только два остались на деревѣ — убійство отца и матери. Тогда священникъ сжегъ непрощеннаго грѣшника на кострѣ, „а Богъ сославъ ангала душу ўзяць, понесци къ Богу, за бацьковъ и за маткинъ грѣхъ отвѣчаць".[1])

Эпизодъ о покаянныхъ мытарствахъ грѣшника въ этомъ варіантѣ, очевидно, сильно спутанъ. По аналогіи съ другими варіантами, его можно-бы возстановить такимъ образомъ, что грѣшникъ долженъ былъ только посадить и поливать свою яблоневую булаву, которая со временемъ распустилась и принесла плоды; оставшіяся на ней два яблока спали тогда, когда онъ убилъ пьянаго злоумышленника-войта, замѣнившаго здѣсь безчеловѣчныхъ представителей панщины. Мотивы же о ножѣ, сломленномъ въ живомъ тѣлѣ грѣшника, о срубленномъ и сожженномъ имъ, неизвѣстно зачѣмъ, дубѣ, и, наконецъ, о его самосожженіи, — намъ кажутся вставными и притегнутыми къ разсказу совсѣмъ некстати.

---

[1]) Е. Р. Романовъ: Бѣлорусскій Сборникъ. Витебскъ, 1887, III, 311 — 312.

Въ другомъ варіантѣ Романова совершаетъ покаяніе купеческій сынъ, убившій своихъ родителей. На судѣ его заковали въ желѣза, ключъ отъ которыхъ бросили въ рѣку, и такъ пустили его въ свѣтъ. Не довольствуясь этимъ, онъ пошелъ къ схимнику и просилъ наложить на него еще другую эпитимію. Тотъ заставилъ его пасти черныя овцы, пока не станутъ бѣлыми. Пасъ 25 лѣтъ, но овцы были все черны. Тогда схимникъ далъ ему денегъ и велѣлъ купить на базарѣ рыбу. Въ этой рыбѣ нашелся ключъ отъ сковывавшихъ его желѣзъ. Схимникъ разомкнулъ ихъ, и тогда овцы стали бѣлы, какъ снѣгъ.[1])

Такой несвязный и ничѣмъ не оправданный конецъ разсказа заставляетъ насъ предполагать, что въ немъ, очевидно, пропущенъ извѣстный эпизодъ о послѣднемъ искупительномъ подвигѣ грѣшника, безъ котораго чудесное разрѣшеніе его неисполнимой эпитиміи не имѣетъ никакого нравственнаго основанія и смысла.

Къ бѣлорусскимъ варіантамъ безпосредственно примыкаютъ великорусскіе. Варіантъ изъ собранія В. И. Даля разсказываетъ о грѣшникѣ, который сотворилъ грѣхъ, хотя и безсознательно, съ родною матерью, сестрой и кумою. Святой пустынникъ велѣлъ ему разрубить березу въ лѣсу на три части, сжечь ихъ, а затѣмъ закопать оставшіяся три головешки въ землю и поливать водою. Нѣсколько лѣтъ трудился такъ грѣшникъ: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ и говоритъ: „Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго, съ кумою, ты еще не замолилъ у Господа“. И далъ ему пустынникъ стадо черныхъ овецъ, пасти его и молиться Богу до тѣхъ поръ, пока не станутъ всѣ овцы бѣлыми. Погналъ грѣшникъ овецъ, пасъ ихъ нѣсколько лѣтъ, только онѣ все оставались черными. Вотъ сталъ мимо него ѣздить какой-то человѣкъ и всякій разъ распѣвалъ себѣ веселыя пѣсни. Оказалось, что это былъ разбойникъ; чѣмъ больше людей убилъ онъ за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсни пѣлъ. Не утерпѣлъ пастухъ

---

[1]) Романовъ, ibid. IV, 27.

и убилъ разбойника своей дубинкою. Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя.[1])

Здѣсь замѣчательна прежде всего замѣна грѣха убійства родителей другимъ грѣхомъ съ матерью, сестрою и кумою, при чемъ послѣдній грѣхъ съ кумою считается наиболѣе тяжкимъ и непростительнымъ. (Ср. еще Садовникова, Сказки и преданія самарскаго края, 297 — 299). Мотивъ о пасеніи черныхъ овецъ мы встрѣчали уже раньше, въ украинскомъ и бѣлорусскомъ варіантахъ, и онъ повторяется еще нѣсколькократно ниже.

Великорусскій варіантъ изъ ставропольскаго уѣзда самарской губерніи соединилъ, подобно какъ одинъ бѣлорусскій, мотивъ о желѣзныхъ замкахъ на тѣлѣ грѣшника съ пасеніемъ черныхъ овецъ, хотя послѣдній мотивъ въ немъ спутанъ и не развитъ, какъ слѣдуетъ. „Одинъ разбойникъ много душъ сгубилъ. Стоитъ разъ въ лѣсу, возлѣ мертваго тѣла, (только что убилъ человѣка), вдругъ ему кто-то и говоритъ: ‚брось это! не хорошее дѣло людей убивать!‘ — Обернулся, смотритъ: пустынникъ-старичекъ стоитъ. — ‚Да я, говоритъ разбойникъ, ничего больше не умѣю дѣлать.‘ — ‚Великій грѣхъ! спасай свою душу, пока время!‘ говоритъ старичекъ. — ‚Да чѣмъ-же я ее спасу?‘ — ‚На вотъ тебѣ два замочка!‘ — Взялъ и продѣлъ ему по замочку въ уши, а ключи себѣ взялъ. — ‚Поди на горы, бѣлыхъ овецъ тамъ найдешъ: паси ихъ; когда замочки изъ ушей у тебя выпадутъ, тогда, значитъ, ты душу спасъ.‘ — Разбойникъ все такъ и сдѣлалъ: пошелъ на горы, нашелъ тамъ овецъ и сталъ ихъ пасти. О худомъ онъ вовсе забылъ и много лѣтъ пасъ, а замки все въ ушахъ Вотъ разъ видитъ онъ, что ѣдетъ большой дорогой кулакъ купецъ, и думаетъ себѣ разбойникъ: ‚а что, сколько этотъ купецъ изъ мужиковъ денегъ выжалъ? всѣ на него жалуются, рады-бы

---

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ: Народныя русскія легенды. Москва, 1859, стр. 94 — 97. — Драгомановъ (Преданія, 132,) цитуетъ ошибочно стр. 478, которой въ сборникѣ даже вовсе нѣтъ, и ту-же ошибку повторилъ за нимъ, очевидно, не провѣривъ ея, г. Гнатюкъ (Етнографічні матеріяли з Угорської Руси, I. 123.) Почему Драгомановъ (тамъ-же) считаетъ этотъ варіантъ бѣлорусскимъ, на что у Аѳанасьева нѣтъ ни малѣйшаго намека, намъ совсѣмъ непонятно; поэтому мы и причисляемъ его здѣсь, ни мало не смущаясь, къ варіантамъ великорусскимъ.

всѣ деревни были, кабы его не было; хорошо его убить!' — Какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ: купца зарѣзалъ, а деньги, которыя съ нимъ были, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ раздалъ. И испугался разбойникъ, что опять старый грѣхъ совершилъ: человѣка убилъ. Глянулъ себѣ подъ ноги, а замочки изъ ушей выпали, на землѣ лежатъ. И подошелъ къ нему старичекъ и сказалъ: ты не человѣка убилъ, а свой грѣхъ!"[1])

Этотъ самарскій варіантъ, повидимому, сильно забытъ и спутанъ. Итакъ, во первыхъ, блѣдная сцена обращенія разбойника надъ трупомъ убитаго имъ человѣка отдаленно напоминаетъ потрясающее откровеніе кровавой головы убитаго священника въ нашемъ галицко-русскомъ варіантѣ и, можетъ быть, происходитъ отъ этого мотива. Затѣмъ, если пустынникъ посылаетъ разбойника на горы, пасти бѣлыя овцы, то въ этомъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ видѣть недосказанное и извращенное отраженіе извѣстнаго намъ мотива о черныхъ овцахъ, которыя должны сдѣлаться бѣлыми. Кулакъ-купецъ, убійство котораго искупило всѣ грѣхи разбойника, смѣнилъ здѣсь, очевидно, панскаго атамана крѣпостныхъ временъ, какъ смѣнилъ его на Руси и въ дѣйствительной жизни.

Въ разсказѣ о Рахѣ-разбойникѣ, записанномъ въ г. Симбирскѣ, интересно то, что душа разбойника по смерти искупляетъ грѣхи его. Рахъ-разбойникъ[2]) по совѣту святаго старца сжигаетъ самъ себя на кострѣ. Душа его поливала оставшіяся изъ костра три головешки такъ долго, что выбила тропу по колѣна. Разъ встрѣтила на тропѣ злоумышленника, который собирался поджечь городъ; ударила его коромысломъ и убила наповалъ. Приходитъ къ своимъ головешкамъ, а на нихъ „распустились кусточки и расцвѣли цвѣточки". Старецъ объяснилъ ей, что это она не человѣка убила, а свой самый страшный грѣхъ. „И успокоилась въ раю душа Раха-разбойника".[3])

[1]) Д. Н. Садовниковъ: Сказки и преданія самарскаго края. Спб. 1884. стр. 300 — 301.

[2]) Имя „Рахъ" вѣроятно книжно-апокрифическаго происхожденія. Такъ, по крайней мѣрѣ, называется въ нѣкоторыхъ русскихъ спискахъ „Бесѣды трехъ святителей" одинъ изъ разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Христомъ. См. И. Я. Порфирьевъ: Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Спб. 1890, стр. 387.

[3]) Садовниковъ, op. cit. 294 — 295.

Въ третьемъ варіантѣ Садовникова кающійся разбойникъ пасетъ черныя овцы, чтобы онѣ побѣлѣли, но тридцать лѣтъ пасетъ безуспѣшно. Разъ вышелъ на большую дорогу и встрѣтилъ великій обозъ чумаковъ, которые везли на ярмарку табакъ. Онъ возмутился тѣмъ, что они будутъ осквернять табакомъ многихъ людей, убилъ всѣхъ извощиковъ, а телѣги съ табакомъ сжегъ и пепелъ по вѣтру развѣялъ. Возвратился къ овцамъ, а онѣ всѣ до одной бѣлы.[1])

Странный мотивъ убійства извощиковъ изъ-за табаку, который они везли на ярмарку, прямо указываетъ на свое изувѣрное происхожденіе: онъ могъ возникнуть только на почвѣ раскола, сохранившаго, въ нѣкоторыхъ своихъ толкахъ, старовѣрное, допетровское сужденіе о грѣховности табаку, и считающаго его и понынѣ бѣсовскимъ, богопротивнымъ зеліемъ, которое выдумалъ діяволъ, чтобы окончательно совратить и осквернить имъ людей.[2])

Тотъ-же раскольничій мотивъ находимъ также въ двухъ кавказскихъ русскихъ варіантахъ. Въ одномъ пасетъ разбойникъ три бѣлыя овцы, пока онѣ не сдѣлаются черными. Это совершается только тогда, когда онъ убилъ чумаковъ, везшихъ табакъ и сверхъ того напоившихъ его водкою; когда табакъ сгорѣлъ, разбойникъ пошелъ къ своимъ овцамъ и нашелъ ихъ черными. „Грѣхи прощены ему зато, такъ заключается разсказъ, что онъ сжегъ столько пагубнаго зелья. Нѣтъ зелья грѣшнѣе табаку, нѣтъ и грѣха, болѣе тяжкаго, какъ куреніе табаку, и ни одинъ, курящій его, не найдетъ себѣ мѣста въ жизни будущей“ [3]).

Другой варіантъ, записанный у терскихъ казаковъ, болѣе пространный и сложный. Бѣднякъ пожелалъ быть богатымъ и въ той цѣли, по наущенію какого-то пастуха, убилъ и ограбилъ на большой дорогѣ богатаго барина. Забралъ всѣ

---

[1]) Садовниковъ, ibid. 299 — 300.

[2]) См. Д. А. Ровинскій: Русскія народныя картинки. Спб., 1881, IV, 266, V, 158; А. Н. Пыпинъ: Исторія русской литературы. Спб. 1898, II, 542—543, 560—561. Ср. также раскольничій стихъ о табакѣ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности Н. С. Тихонравова, 1863, т. V, отд. 3, стр. 108 — 111.

[3]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ, 1889, т. VII, отд. 2, стр. 51—53.

деньги и пошелъ, но какъ ни старался онъ уйти прочь, не могъ: всякая дорога приводила его къ отрубленной головѣ барина. Въ отчаяніи сталъ убійца просить у головы прощенія и, наконецъ, умолилъ ее: она простила его. Онъ пошелъ домой и зажилъ богато, некуда дѣвать добра. Онъ сталъ раздавать свое имущество нищимъ, но оно возвращалось къ нему само собою. Испугавшись, убійца пошелъ къ старику-ворожею за совѣтомъ, какъ замолить ему свой грѣхъ? Тотъ далъ ему три черныя овцы, пасти ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ бѣлы. Въ продолженіи двадцати лѣтъ овцы все не побѣлѣли, такъ что грѣшникъ, наконецъ, отчаялся въ своемъ избавленіи. Разъ остановился недалеко отъ него обозъ чумаковъ, возовъ сто; отпрягли чумаки воловъ и полегли всѣ спать. Увидѣлъ это грѣшникъ и рѣшилъ перебить всѣхъ чумаковъ и завладѣть ихъ добромъ: все равно придется умирать окаяннымъ. Убилъ всѣхъ чумаковъ и пошелъ шарить по возамъ, какой товаръ везли чумаки; во всѣхъ возахъ былъ только табакъ. Не зная значенія этой травы и разсердившись, что ничего другого не нашелъ, онъ сложилъ всѣхъ убитыхъ людей и весь табакъ въ кучу и сжегъ все это до тла. Послѣ этого овцы вдругъ побѣлѣли и грѣхъ его былъ ему прощенъ, такъ какъ онъ, сжегши табакъ, „въ много разъ больше спасъ людей отъ грѣха, чѣмъ ихъ загубилъ“ [1]).

Если въ первой части разсказа измѣнилось въ нѣкоторой степени какъ само преступленіе, такъ и раскаяніе грѣшника, что̀, впрочемъ, для нашей цѣли не существенно, то въ заключеніи его мы видимъ уже совершенное извращеніе основного мотива и даже цѣлаго нравственнаго содержанія легенды. Въ то время, какъ въ однихъ варіантахъ грѣшникъ искупляетъ свои грѣхи актомъ праведнаго гнѣва и возмездія, какъ, въ другихъ, онъ сознательно избавляетъ людей отъ пожара или другого несчастья, или-же, наконецъ, въ раскольничьихъ варіантахъ, отъ грѣховнаго зелія табаку, — здѣсь онъ совершаетъ страшное преступленіе изъ самыхъ низкихъ, корыстелюбивыхъ побужденій, не имѣющихъ никакого отношенія къ искупительнымъ подвигамъ другихъ варіантовъ. За то же одно, что убійца совсѣмъ случайно, въ злости разочарованія, сжегъ табакъ, могло простить ему великіе грѣхи

[1]) Тотъ-же Сборникъ, т. XVI, отд. 1, стр. 198—203.

его только крайнее, изувѣрное самодурство, выраженіемъ котораго и является настоящій терскій разсказъ.

Этимъ варіантомъ мы должны заключить нашъ обзоръ извѣстныхъ намъ русскихъ редакцій легенды, а затѣмъ обратимся къ родственнымъ ей мотивамъ въ другихъ, преимущественно южно-славянскихъ народныхъ литературахъ.

III.

Какъ это ни странно, но ни у поляковъ, ни у румынъ, съ которыми Южная и Западная Русь находилась въ постоянныхъ и оживленныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, наша легенда неизвѣстна, или, по крайней мѣрѣ, не была до сихъ поръ замѣчена вовсе. Мы встрѣчаемъ ее только у южныхъ славянъ, именно у банатскихъ сербовъ и у болгаръ.

Сербская легенда разсказываетъ о кающемся грѣшникѣ, который желалъ замолить какой-то страшный, не опредѣленный ближе, свой грѣхъ, но не могъ найти человѣка, который бы ему указалъ способъ искупленія этого грѣха. Послѣ долгихъ скитаній онъ нашелъ старика-пустынника, который, выслушавъ его исповѣдь, велѣлъ ему поливать совсѣмъ сухую вербу, пока она не отрастетъ: тогда только будетъ ему прощенъ его страшный грѣхъ. Пятьдесятъ лѣтъ трудился онъ напрасно, верба не отрастала нисколько. Разъ, однако, проѣхали мимо него сваты за дѣвушкой, а за ними гнался разбойникъ, который убилъ уже 99 жениховъ и хотѣлъ теперь убить еще этого, сотаго. Грѣшникъ возмутился и убилъ разбойника наповалъ. Въ то-же мгновеніе распустилась и зазеленѣлась сухая верба [1]).

Эта легенда весьма напоминаетъ великорусскіе варіанты, въ которыхъ грѣшникъ убиваетъ разбойника, поющаго веселыя пѣсни, или злоумышленника, собирающагося поджечь городъ.

Мотивъ о свадьбѣ встрѣчается также въ болгарскомъ варіантѣ изъ софійскаго округа. Одному великому разбойнику задалъ священникъ эпитимію: разбить при большой дорогѣ садъ съ разными плодами и угощать ими каждаго прохожаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ посадить въ немъ головню и поливать ее, нося

---

[1]) К. Ристичъ и В. Ломчарски: Српске народне приповетке. Нов. Садъ, 1891, стр. 8—12.

20011978

воду во рту, пока она не отрастетъ. Разбойникъ точно исполнялъ все это, но безуспѣшно. Разъ мимо его салаша проскакалъ гайдукъ, который не хотѣлъ принять его угощенія, торопясь за какимъ-то дѣломъ. Грѣшникъ разсердился, погнался за нимъ и убилъ его. Тогда головня вдругъ пустила ростки и распустилась. Оказалось, что убитый юноша спѣшилъ въ сосѣднее село, чтобы разстроить какую-то, нежелательную ему свадьбу. А разстроить чью-нибудь свадьбу, такъ заключается легенда, составляетъ наибольшій грѣхъ на землѣ [1]).

Очевидно, что эпизодъ убійства гайдука здѣсь немного спутанъ. Изъ сербскаго варіанта его можно возстановить такимъ образомъ, что гайдукъ, остановленный грѣшникомъ, открылъ ему свое спѣшное дѣло и, можетъ быть, даже признался ему, что намѣреваетъ убить жениха. Только въ такомъ случаѣ становится понятнымъ возмущеніе кающагося грѣшника и послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ искупленіе его грѣховъ.

Въ другомъ болгарскомъ варіантѣ кающійся разбойникъ долженъ также поливать головню, нося воду изъ отдаленнаго источника. Но задача его была на столько тяжелѣе, что онъ долженъ былъ по пути давать пить воду каждому встрѣчному путнику, а затѣмъ возвращаться за свѣжей, такъ какъ надпитой водою нельзя было поливать головни. Однажды какой-то человѣкъ, торопясь куда-то, не принялъ отъ него воды; это былъ разбойникъ, гнавшійся за обозомъ купцовъ, которыхъ онъ хотѣлъ перебить и ограбить. Грѣшникъ догналъ и убилъ его. Головня расцвѣла [2]).

Какъ видимъ, второй болгарскій варіантъ весьма близко примыкаетъ къ первому и происходитъ, повидимому, отъ общаго съ нимъ источника. Только вмѣсто угощенія прохожихъ плодами, здѣсь имѣемъ напованіе ихъ водою, при чемъ этотъ послѣдній мотивъ болѣе обоснованъ и связанъ съ ходомъ разсказа. На мѣстѣ обоза купцовъ, за которымъ гнался разбойникъ, здѣсь, судя по другимъ южно-славянскимъ варіантамъ, могъ стоять первоначально свадебный поѣздъ.

---

[1]) Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Софія, 1890, т. III, отд. 3, стр. 179—180.

[2]) Сборникъ за нар. умотвор., т. VIII, отд. 3, стр. 191—192.

Такимъ образомъ, южно-славянскіе варіанты, которыхъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ слишкомъ мало, составляютъ особую, своеобразную группу въ редакціяхъ легенды. Находясь, въ общемъ, безсомнѣнно, въ близкихъ генетическихъ отношеніяхъ къ варіантамъ русскимъ, они расходятся съ ними въ отдѣльныхъ мотивахъ и даже въ основномъ, заключительномъ моментѣ искупительнаго подвига, который развитъ и разработанъ въ нихъ отмѣнно и, можетъ быть, самостоятельно.

Обращаясь къ народнымъ литературамъ другихъ народовъ, мы находимъ нашу легенду только въ одномъ финскомъ варіантѣ, да и то не въ видѣ самостоятельнаго разсказа, лишь въ соединеніи съ другой легендой о кровосмѣсителѣ. Святой старецъ наложилъ на кровосмѣсителя и согрѣшившую съ нимъ мать эпитимію: онъ долженъ долбить большую скалу, пока изъ нея не брызнетъ вода, а мать чтобы стояла предъ нимъ съ черной овцой на рукахъ, пока та не будетъ бѣлой. Много времени мучились они такъ на скалѣ, но все тщетно. Однажды, наконецъ, проходилъ мимо нихъ какой-то красивый и изящный господинъ. Онъ сознался имъ, что онъ занимается судебными дѣлами и можетъ на судѣ сдѣлать каждое неправое дѣло правымъ и, наоборотъ, правое неправымъ. Грѣшникъ возмутился этой несправедливостью адвоката до той степени, что забылъ свое покаяніе и убилъ его. Въ то-же мгновеніе скала отверзлась и въ ней показался источникъ, а овца на рукахъ матери стала совсѣмъ бѣлой [1]).

Соединеніе нашей легенды съ мотивомъ о кровосмѣшеніи намъ приходилось уже встрѣчать въ велико-русскомъ варіантѣ Аѳанасьева, который сходится съ финскимъ также въ чудѣ съ черной овцой и, въ нѣкоторой степени, даже въ опредѣленіи преступности лица, убійство котораго почитается кающемуся грѣшнику въ искупительную заслугу: у Аѳанасьева это разбойникъ, распѣвающій послѣ удачной ночи веселыя пѣсни; здѣсь адвокатъ, надругающійся надъ правдой и нагло хвастающійся этимъ [2]). Эти сближенія наводятъ насъ на предполо-

[1]) Rudbeck: Salmelainen. 1854. Приведено въ статьѣ Драгоманова: Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история. Софія, 1891, стр. 90 — 92. (Отд. оттискъ изъ Сборника болгар. Министерства Нар. Просв. т. V.).

[2]) Что такое сближеніе понятій разбойничества и судебной кривды въ народномъ представленіи вполнѣ возможно, доказываетъ на пр. слѣдующій, слышанный мною въ с. Доброгостовѣ, дрогобычскаго у., народный взглядъ.

женіе, что финскій варіантъ заимствованъ изъ великорусской народной словесности, тѣмъ болѣе, что и сама легенда о кровосмѣсителѣ, съ которой онъ соединился, находится въ очевидной зависимости отъ русскихъ легендъ объ Андреѣ Критскомъ [1]).

Въ западно-европейскомъ фольклорѣ мы, къ сожалѣнію, не успѣли найти ни одного близкаго варіанта нашей легенды. Отдаленно напоминаетъ ее только нѣмецкій разсказъ Гримма, который, впрочемъ, болѣе приближенъ къ легендамъ о Мадеѣ и въ частности къ французскимъ ея версіямъ. Святой пустынникъ, выразившійся съ осужденіемъ о повѣшенномъ преступникѣ, получилъ за это отъ Бога эпитимію: носить сухую вѣтку по свѣтѣ, пока она не расцвѣтетъ. Послѣ долгаго времени онъ однажды обратилъ къ раскаянію трехъ разбойниковъ, послѣ чего вѣтка вдругъ расцвѣла, а самъ онъ тутъ-же преставился [2])

Обращеніе разбойниковъ замѣнило здѣсь, очевидно, подвигъ убійства злоумышленника въ другихъ варіантахъ. Остальныя же черты разсказа столь чужды нашей легендѣ, что о какомъ-нибудь прямомъ взаимномъ отношеніи ея къ нѣмецкому варіанту, пока-что, за отсутствіемъ другихъ, посредствующихъ звеньевъ, и рѣчи быть не можетъ.

IV.

Разобранная выше легенда о грѣшникѣ, совершающемъ тяжкое покаяніе и искупляющемъ свои грѣхи новымъ, праведнымъ убійствомъ, въ общемъ примыкаетъ весьма близко къ другой, широко распространенной легендѣ о кающемся разбойникѣ Мадеѣ, отъ которой, можетъ быть, она даже и произошла. Главныя черты этой легенды состоятъ въ слѣдующемъ: Молодой священникъ отправляется въ адъ, за записью, кото-

---

Прежде разбойники грабили людей въ лѣсахъ и на большихъ дорогахъ; нынѣ-же они поселились въ судебныхъ присутствіяхъ и здѣсь по-прежнему грабятъ людей. Въ силу такого-же печальнаго заключенія могъ и финскій разсказъ замѣнить разбойника адвокатомъ.

[1]) Ср. Драгомановъ, op. cit. 89, 92.

[2]) Grimm: Kinder-und Hausmärchen, Leipzig, (1896), II, 395—397. (Reklam's Universal-Bibliothek).

рою отецъ его записалъ его душу діяволу. По пути встрѣчаетъ онъ разбойника, который проситъ его узнать въ адѣ, какое наказаніе ждетъ его тамъ за грѣхи его? Священникъ, возвратившись изъ ада, представляетъ ему ужасныя мученія, ожидающія его по смерти, и заставляетъ его каяться и отмаливать грѣхи. Онъ велитъ ему посадить въ землю палку или головню и поливать ее, водою или слезами, такъ долго, пока она не прорастетъ и не принесетъ плодовъ. Много лѣтъ спустя тотъ-же священникъ проѣзжалъ черезъ лѣсъ, въ которомъ тогда оставилъ разбойника, и увидѣлъ прекрасное, покрытое плодами дерево, а подъ нимъ сѣдого старика. Это былъ обращенный имъ разбойникъ, а дерево выросло изъ его палки или головни. Священникъ велѣлъ ему потрясть дерево; всѣ плоды спали на землю или превратились въ бѣлыхъ голубей и улетѣли въ небо, въ знакъ того, что Господь простилъ ему всѣ грѣхи.

Ср. Драгомановъ, Малорус. нар. преданія, 130—131, 406—410; Гнатюкъ, Етногр. матеріали з Угор. Руси, I, 121 — 124, III, 31 — 35; Романовъ, Бѣлорус. сборникъ, III, 307—312, IV, 29 — 30; Аѳанасьевъ, Легенды, 91 — 97, 177—180; Садовниковъ, Самарскія сказки, 295—299; Худяковъ, Великорусскія сказки, III, 95—97; Кольбергъ, Pokucie, IV, 145—154; его-же, Lud, VIII, 122—124, XIV, 197—210; Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, XI, 106—107; Довойна-Сильвестровичъ, Podania żmujdzkie, I, 119—121, II, 46—51, 268—281; Кульда, Moravské národni pohádky, II, 203—207; Вацлявекъ, Valašske pohádky a pověsti, I, 84—87; Строгаль, Hrvatske nar. pripoviedke, 75—80; Штраусъ, Die Bulgaren, 115—116; Коскэнъ, Contes populaires de Lorraine, II, 231—233, 307—310; Люзель, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, I, 161 — 215, 270 — 279, (7 вар.); кромѣ этого множество другихъ варіантовъ собрано у Сумцова, Разборъ этногр. трудовъ Романова, 72—73, Кёлера, Kleinere Schriften zur Märchenforschung, I, 403—404, Веселовскаго, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, X, 378 — 382, 385, и, наконецъ, въ превосходной статьѣ г. Карловича, Podanie o Madeju, въ журналѣ Wisła, II, 804—814, III, 102—134, 300—305, 602—604, V, 43—59.

Общая канва разсказа какъ въ легендахъ о Мадеѣ такъ и въ нашей легендѣ одна и та-же: великій грѣшникъ раскаивается и получаетъ тяжкую, неисполнимую эпитимію, которая разрѣшается, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ искупленія и страданія, сама собою. Только что въ легендахъ о Мадеѣ это разрѣшеніе происходитъ произвольно, безъ всякаго побудительнаго толчка извнѣ, въ нашей же легендѣ оно обусловлено прекраснымъ мотивомъ послѣдняго, искупительнаго подвига. Весьма вѣроятно, поэтому, что послѣдній мотивъ, возникнувъ отдѣльно, соединился съ существовавшей уже легендой о покаяніи Мадея и образовалъ съ нею, такимъ образомъ, новую легенду, которую мы, въ виду ея особаго историко-литературнаго значенія, выдѣлили здѣсь въ особую группу. Это подтверждается, наконецъ, также тѣмъ обстоятельствомъ, что самый яркій мотивъ Мадеевой легенды, именно чудесное прорастаніе головни, повторяется упорно также въ многихъ варіантахъ нашей группы.[1])

Нѣкоторые другіе, вставные мотивы нашей легенды встрѣчаются въ народной словесности также отдѣльно, или-же въ соединеніи съ другими легендарными сюжетами.

И такъ, убійство отца сыномъ за дурное воспитаніе его, вмѣстѣ съ параболей о тонкомъ и грубомъ деревѣ, которою разбойникъ доказываетъ отцу запоздалость его наставленій, встрѣчаемъ также, въ иной связи, въ одномъ польскомъ разсказѣ.[2]) Подобный-же мотивъ далъ, можетъ быть, основаніе великорускому преданію о преступникѣ, который, стоя на плахѣ, отку-

---

[1]) Неимѣя въ виду останавливаться подробно на вопросѣ о происхожденіи легенды о Мадеѣ и ея основного мотива о чудесномъ прораженіи головни, мы замѣтимъ здѣсь только, что этотъ послѣдній мотивъ происходитъ безсомнѣнно изъ апокрифическаго сказанія о прораженіи покаянныхъ головенъ Лота. См. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (изслѣдованіе), 112—114; Франко, Апокріфи і легенди з укр. ркп., I, 87—88; Тихонравовъ, Памятники отреченной русской литературы, I, 205—306, 309; Migne, Dictionaire des apocryphes, II, 469—470; Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокриф. сказаній и пѣсенъ, 88—89; Весловскій, Разысканія въ обл. рус. духовн. стиха, X, 371—378.

[2]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, V, 243.

силъ своей матери носъ, мстясь на ней, такимъ образомъ, за дурное воспитаніе свое.[1])

Весьма излюбленъ въ народной словесности другой мотивъ галицкой легенды, именно явленіе кровавой головы жертвы убійства, которое, такимъ образомъ, дѣлается извѣстнымъ и навлекаетъ на убійцу справедливое наказаніе. Въ двухъ галицко-русскихъ разсказахъ превращается въ его рукахъ, въ 30 лѣтъ послѣ убійства, въ голову убитаго имъ человѣка голова теленка или капусты.[2]) Въ польскихъ легендахъ такъ-же является убійцѣ голова убитаго имъ монаха.[3]) Въ самарской легендѣ кровавая голова убитаго является только сыну убійцы.[4]) Тотъ-же мотивъ извѣстенъ также въ Бретани: разъ превращается здѣсь въ голову убитаго хлѣбъ, который убійца несъ въ сумѣ,[5]) другой разъ — телячья голова.[6]) То-же самое разсказывается въ испанскихъ легендахъ.[7]) Въ арабскомъ разсказѣ превращается въ голову убитаго винная ягода, когда убійца подносилъ ее царю.[8]) Въ средніе вѣка была въ западной Европѣ, особенно въ Германіи, очень распространена легенда о Теодорикѣ, которому явилась на блюдѣ голова убитаго имъ Симмаха.[9]) Отдаленное отраженіе того-же мотива слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть также въ тѣхъ разсказахъ, въ которыхъ солнце, птичка, вѣтка, или — въ малорусскихъ версіяхъ — „перекотиполе“, призванные въ минуту убійства въ свидѣтели

---

[1]) Историческій Вѣстникъ, 1899, XI, 537—538.

[2]) Садокъ Баронч: Bajki, fraszki, podania i t. d. na Rusi. 2 изд., Львовъ, 1886, стр. 155; Кольбергъ: Pokucie, IV, 197—198.

[3]) S. Chełkowski: Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza. Варшава, 1889, I, 237—238; Zbiór wiadomości, XVI, 46—47.

[4]) Садовниковъ: Сам. сказки, 301—302.

[5]) F. M. Luzel: Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne. Paris, 1881, II, 187-193.

[6]) P. Sébillot: Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne. Paris, 1882, I, 265—266.

[7]) R. Köhler: Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Weimar, 1898, I, 154.

[8]) Revue des traditions populaires, 1893, VIII, 279.

[9]) Köhler: Kl. Schriften, I, 154—155.

и мстители его, послѣ нѣкотораго времени въ самомъ дѣлѣ обличаютъ убійцу.[1])

Желѣзныя сумы, которыя грѣшникъ долженъ носить на плечахъ такъ долго, пока онѣ не спадутъ съ него сами, напоминаютъ желѣзные сапоги, которые въ многихъ сказкахъ должна истрепать жена, ищущая исчезнувшаго мужа, или мужъ, ищущій жену.[2]) Въ одномъ монгольскомъ разсказѣ надѣваютъ желѣзные сапоги изгнанному изъ города преступнику, разрѣшая ему возвратиться въ городъ только тогда, когда они совсѣмъ распадутся.[3]) Это уже почти совсѣмъ совпадаетъ съ нашимъ мотивомъ. Впрочемъ, въ самыхъ-же украинскихъ народныхъ пѣсняхъ очень распространенъ разсказъ о томъ, какъ съ казака, вслѣдствіе его воплей и слезъ, или-же благодаря молитвѣ его родителей, сами слетаютъ цѣпи, въ которыя заковалъ его панъ.[4]) Можетъ быть, что именно подъ вліяніемъ этого пѣсеннаго мотива и образовался нашъ разсказъ о чудесномъ освобожденіи грѣшника отъ сковывавшихъ его желѣзныхъ сумъ.

Неисполнимая эпитимія кающагося грѣшника, состоящая въ томъ, что онъ долженъ пасти черныя овцы, пока онѣ не сдѣлаются бѣлыми, напоминаетъ намъ очень близко образныя метафоры народной поэзіи, употребляющіяся для выраженія невозможности, неисполнимости какого-нибудь желанія, т. е. замѣняющія въ ней жестокое слово: никогда. Въ русскихъ и славянскихъ пѣсняхъ герой возвратится домой тогда, когда черный воронъ побѣлѣетъ, или когда превратится въ бѣлаго голубя.[5]) Въ англійскихъ, шотландскихъ и скандинавскихъ

---

[1]) Ср. И. Я. Рудченко: Народныя южнорусскія сказки. Кіевъ, 1869, I, 207—209; Grimm: Märchen, II, 129—131, III, 190—191.

[2]) Köhler: Kl. Schriften, I, 316—317, 512, 573—575.

[3]) B. Jülg: Mongolische Märchen. Die neun Nachtrags-erzählungen des Siddhi-kür usw. Innsbruck, 1868, стр. 54.

[4]) Драгомановъ: Політичні пісні украйінського народу XVIII—XIX ст. Женева, 1883, I, 82—85, II, 119—120; П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи въ зап.-рус. край. Спб. 1874, V, 958, 1018, и др.

[5]) Сумцовъ: Воронъ въ народной словесности. Этнографическое Обозрѣніе, XVI, 53—54, 58—60. Ср. пѣсенные обороты: „воронъ черенъ не вычерненъ," „чоренъ да нечернѣючи" и т. д. А. А. Потебня: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсень. Варшава, 1887, II, 584, 586.

балладахъ юноша обѣщаетъ матери вернуться домой, когда вороны сдѣлаются бѣлыми, а лебеди черными.[1]) Также въ русскихъ народныхъ пословицахъ употребляется этотъ поэтическій образъ; на пр.: пока черныя пятна съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не судить[2]); конецъ міра будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца почернѣютъ,[3]) и т. д. Сравнивъ эти поэтическія иносказанія съ мотивомъ нашей эпитиміи, нельзя сомнѣваться, что послѣдній, выражая ровно-же невозможность спасенія грѣшника, произошелъ или безпосредственно отъ нихъ самихъ, или-же отъ какого-то общаго съ ними образа народной поэтики.

Наконецъ, заключительный эпизодъ малорусской легенды, въ которомъ панскій атаманъ надругается надъ могилами мертвыхъ крѣпаковъ, находится, можетъ быть, въ какой-нибудь связи съ разсказами о жестокихъ кредиторахъ, которые бьютъ могилу своего умершаго должника.[4]) На всякій случай, однако, этотъ послѣдній мотивъ, придающій цѣлой легендѣ яркую историко-бытовую закраску, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе оригинальную и характерную черту ея, которая одна только могла образоваться самостоятельно, на почвѣ мѣстныхъ бытовыхъ отношеній и историческихъ воспоминаній.

V.

Такимъ образомъ, изъ подробнаго, сравнительнаго разбора нашей малорусской легенды и отдѣльныхъ ея мотивовъ мы достаточно убѣдились въ томъ, что она нисколько не составляетъ духовной собственности малорусской народной словесности, но заимствована ею изъ международной сокровищницы странствующихъ легендарныхъ сюжетовъ. Основная канва разсказа о покаяніи грѣшника заимствована безпосредственно, какъ мы

---

[1]) I. Child: The english and scottish popular ballads. Boston, 1882, I, 167—170. Ср. также II, 437, VI, 507.

[2]) Этнографическое Обозрѣніе, III, 183.

[3]) Эти. Об., X, 82.

[4]) Сборникъ за нар. умотв., XVI-XVII, II, 319; Köhler: Kl. Schr., I., 30.

это видѣли выше, изъ распространенной легенды о Мадеѣ, происходящей, въ свою очередь, отъ древне-іудейскихъ апокрифическихъ сказаній о покаяніи Лота. На эту канву нанизались со временемъ, уже на малорусской почвѣ, нѣкоторые другіе, ровно-же заимствованные мотивы, образовавшіе, такимъ образомъ, новую, отдѣльную легенду.

Что же составляетъ, послѣ этого, русскій характеръ легенды, въ чемъ заключается ея бытовое и историческое значеніе?

Оригинально-русскою чертою легенды слѣдуетъ считать прежде всего какъ общую редакцію ея, такъ и внутреннюю группировку ея составныхъ частей, соединившую въ ней нѣсколько чуждыхъ другъ другу мотивовъ въ стройную и осмысленную цѣлость. Что это соединеніе произошло именно на русской почвѣ, явствуетъ безсомнѣнно изъ того обстоятельства, что подобная редакція легенды въ другихъ народныхъ литературахъ не существуетъ, кромѣ одного финскаго и трехъ южно-славянскихъ варіянтовъ, образовавшихся, вѣроятно, изъ русской-же легенды.

Безсомнѣнно русскій характеръ имѣетъ въ особенности конецъ разсказа, въ которомъ народное творчество такъ чудно и чутко пріурочило международный сюжетъ къ сумрачнымъ образамъ своей родной обстановки и жизни. И въ зависимости отъ области и среды, въ которой вращаются отдѣльные варіанты легенды, измѣняется также и понятіе злого начала, противъ котораго обращается ея возмущенное жало. Въ раскольничьихъ варіянтахъ оно направлено противъ діявольскаго зелія — табаку; въ другихъ великорусскихъ записяхъ оно караетъ то злоумышленника, намѣревающаго поджечь городъ, то разбойника, распѣвающаго послѣ удачнаго убійства веселыя пѣсни, то, наконецъ, купца-кулака, разоряющаго бѣдный народъ. Бѣлорусскіе варіанты возмущаются безчеловѣчностью войта, обижающаго и притѣсняющаго народъ. Но наиболѣе послѣдовательны и ярки малорусскія версіи легенды, являющіяся сильнымъ и рѣзкимъ протестомъ противъ обидъ и жестокостей панщины.

Панщина оставила глубокіе слѣды въ южно-русской народной памяти. Всякія ея обиды и кривды, жестокія надругательства и дикій произволъ, тяжелый трудъ и безъисходная

тоска, — все это нашло яркое отраженіе въ народной словесности, все это повторяется въ ней въ безчисленныхъ и разнообразныхъ, но всегда живыхъ и яркихъ варіяціяхъ. Особенно же живо сохранились эти воспоминанія въ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ свято сохраняютъ ихъ скорбные образы и звуки.[1])

Прозаическихъ разсказовъ объ явленіяхъ и событіяхъ изъ временъ панщины имѣемъ сравнительно мало. Это по большей части отрывки личныхъ воспоминаній былыхъ крѣпаковъ, не имѣющія собственно съ народной словесностью ничего общаго. (Ср. напр. у Гринченка, Изъ устъ народа, 1900, стр. 300, 306) Общее, литературное значеніе имѣетъ только украинскій разсказъ о жестокомъ шляхтичѣ Сицинскомъ, сюжетъ котораго взялъ Мицкевичъ для своего стихотворенія „Popas w Upicie".[2]) Другихъ подобныхъ разсказовъ мы въ прозаической малорусской словесности не встрѣчали.

Тѣмъ интереснѣе и драгоцѣннѣй этотъ характерный отзвукъ былого, жестокаго времени, сохранившійся столь живо и рельефно въ нашей легендѣ, хотя въ немъ, впрочемъ, никакихъ прямыхъ указаній на историческія событія и лица нѣтъ и быть не можетъ. Это именно только историческій отзвукъ, только образное отраженіе общаго состоянія и настроенія народныхъ массъ въ извѣстную эпоху.

Въ этомъ и заключается, безсомнѣнно, все историческое значеніе малорусской легенды о панщинѣ.

Ю. Яворскій.

---

[1]) Ср. Я. Ѳ. Головацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Москва, 1878, I, 20, III, 204—212; Драгомановъ: Нові укр. пісні про громадські справи. Женева, 1881, стр. 23—79; его-же: Розвідки про укр. нар. словесність і письменство. Львовъ, 1900, II, 25—65; Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы. Черниговъ, 1899, III, 632—642; Етнографічний Збірник Товар. ім. Шевченка, 1898, V, 24—32, 227; и мн. др.

[2]) Ср. St. Zdziarski: Pierwiastek ludowy w poezyi Mickiewicza. Львовъ, 1898, стр. 97—100.

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР

20.00

НБ НПУ імені М.П. Драгоманова
200017978

4
Bu18154

Того-же автора:

Die Mandragora im südrussischen Volksglauben. 1896.

Громовыя стрѣлки. Очеркъ по исторіи южно-русскаго фольклора. 1897.

Sanct Stölprian. Russische Parallelen zum 69 Fastnachtspiele des Hans Sachs. 1898.

Südrussische Vampyre. 1898.

Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ. — Изъ сборника галицко-русскихъ сказокъ. 1898.

Südrussische Parallelen zu Doctor Allwissend. 1898.

Notizen zur Geschichte der Märchen und Schwänke. 1898.

Изъ народной литературы. Нерожденныя дѣти. Сонъ Богородицы. Анекдоты о жидахъ. Къ легендѣ о нерожденныхъ дѣтяхъ. „Тестаментъ о горѣвцѣ". 1899.

Къ исторіи пушкинскихъ сказокъ. 1899.

ФОНД
...ного користування